

— Это место, где душа обретает покой, и есть мой дом. Где мне уютно, там и дом, — лицо Линь Шэня стало серьезнее.

Спустя несколько месяцев Юй Гу сказал:

— Линь Шэнь, ты и есть мой дом.

— Еще немного — и покажется улица. Там, где много людей, — дорога в центр города.

Юй Гу остановился и негромко произнес:

— Я вернусь.

Линь Шэнь улыбнулся ему:

— Жди меня вечером, я куплю нам мяса.

Затем он зашагал вперед. В руках пусто, на спине лишь гитара, а в походке столько гордости, что, казалось, даже его силуэт излучал свет.

Как же хорошо бродяжничать.

Юй Гу развернулся и пошел назад.

Добравшись до центра, Линь Шэнь увидел уличного артиста, тихонько понаблюдал, поучился, а затем с гитарой за спиной отправился на другой перекресток.

Обняв инструмент и отбросив стеснение, он во весь голос закричал, как старые торговцы сахарными петушками в Пекине.

Он был хорош собой, обладал приятным голосом, а его солнечная натура в этом холодном и одиноком южном городке особенно притягивала взгляды.

Прохожих было немного, но почти все они собрались вокруг него, ожидая выступления.

Линь Шэнь улыбался, гордо перебирая струны гитары. Он выглядел ослепительно — словно не в маленьком городке, а в сверкающем, переполненном концертном зале.

Он пел легкие, радостные песни, и на его лице сияла улыбка, способная зажечь даже равнодушных прохожих.

Но никто не бросал денег. Линь Шэнь спел две песни, смущенно напомнил об этом пару раз, надеясь на поддержку.

Однако, сколько бы он ни пел, никто не выложил ни гроша. Он устал, голос начал садиться, но он не смел остановиться.

Если он перестанет петь, люди, которых с таким трудом удалось собрать, разойдутся, а второй раз столько слушателей уже не наберется.

Линь Шэнь пел с двенадцати до четырех часов дня. В итоге, чувствуя полное опустошение, он просто опустил гитару, поблагодарил толпу и ушел.

Кто-то догнал его и протянул двадцать юаней:

— Брат, ты очень красиво поешь, мне понравилось.

У Линь Шэня защемило в носу. Он не взял деньги, лишь улыбнулся девочке:

— Спасибо, что тебе понравилось. Завтра я снова приду сюда петь, если будет скучно — приходи послушать.

Он продолжил путь, намереваясь купить мяса.

Но покупка мяса была лишь его личным желанием. Юй Гу, казалось, был к нему равнодушен. Поэтому Линь Шэню было неловко тратить деньги Юй Гу на то, что хотелось ему самому.

Линь Шэнь вернулся с пустыми руками, немного расстроенный.

Юй Гу открыл дверь и, заметив капли пота на лбу Линь Шэня, спросил:

— Пешком возвращался?

— Да, — безразлично ответил Линь Шэнь, а затем виновато добавил: — Извини, сегодня не удалось заработать.

— У тебя голос охрип, — внезапно сказал Юй Гу.

— Перепел, наверное, — Линь Шэнь вошел в дом, повалился на диван и, пребывая в унынии, принялся строить планы на будущее.

Юй Гу протянул ему стакан воды:

— Не спеши.

Но ему-то хотелось мяса!

Линь Шэнь сделал пару глотков и обнаружил, что вода теплая.

— Холодной нет?

Он шел пешком, ему было жарко, хотелось ледяной воды.

— Теплая лучше, чем холодная, — для горла полезнее.

— Тогда налей еще, — Линь Шэнь протянул пустой стакан, как нечто само собой разумеющееся.

Юй Гу взял стакан и пошел за водой.

Уставший до смерти Линь Шэнь внезапно опомнился: что он только что сделал? Стал командовать человеком как ни в чем не бывало?

Все из-за того, что Линь Исин его избаловал — заботился обо всем, от мелочей до крупных дел.

Он был настолько подавлен и измотан, что, потеряв бдительность, проявил свою истинную натуру перед Юй Гу.

— Спасибо, — на этот раз Линь Шэнь был гораздо вежливее.

Отдохнув, они вместе отправились на кухню возиться с едой.

В этот раз каша не была жидкой, потому что пригорела.

Овощи не были пресными, потому что их пересолили.

К тому же Линь Шэнь вылил немало масла: раз нет мяса, приходилось компенсировать это жиром.

Кто бы мог подумать, что блюдо получится таким жирным и соленым? Линь Шэнь попробовал кусочек, и ему стало дурно — особенно горлу, которое и так охрипло, а от соли стало еще хуже, словно масла в огонь подлили.

Линь Шэнь съел три чашки риса, Юй Гу посмотрел на него:

— Ты... в порядке?

В порядке, конечно. С голоду еще не умер, и на том спасибо.

Линь Шэнь все ниже опускал планку требований к качеству жизни.

Заметив, что Юй Гу выглядит виноватым, он мягко сказал:

— Ничего страшного. Хотя мы и не добились прогресса, но раз мы что-то меняем, значит, дальше будет только лучше.

Оставалось только так себя утешать.

Юй Гу с бесстрастным лицом поднялся, собрал посуду и унес ее на кухню.

Линь Шэню стало неловко: тридцать девять юаней, ночевка, два приема пищи... а ведь сегодня придется остаться на ночь, а завтра снова завтракать.

Он бросился следом:

— Давай я помою, утром ты мыл. К тому же я должен тебе столько денег, если ничего не буду делать, мне будет очень не по себе.

Он выхватил у Юй Гу посуду и начал мыть ее в раковине. Под точеным носом его губы были плотно сжаты, и с того ракурса, под которым смотрел Юй Гу, Линь Шэнь напоминал идеальный кадр из фильма.

— Ты сегодня... будешь еще играть на гитаре?

Юй Гу добавил:

— Я заплачу.

Линь Шэнь не успел ответить, как тот уточнил:

— Петь не нужно.

— Если хочешь послушать, я сыграю. А деньги не надо. Я и так тебе столько должен, говорить о деньгах сейчас как-то...

Он говорил, одновременно хватая кухонный нож и подставляя его под струю воды.

На лезвии были пятна ржавчины, Линь Шэнь взял металлическую губку, начал тереть и мимоходом заметил:

— Нож такой тупой, почему не купишь новый?

— Я использую его только для овощей.

И правда, нож туповат, но для нарезки овощей этого более чем достаточно.

— Ты вообще мясо не ешь? — Линь Шэнь продолжал уборку, пытаясь поддержать разговор.

— Почти не ем.

— Это же вредно, посмотри, какой ты худой, — Линь Шэнь улыбнулся. — Как заработаю денег, обязательно куплю тебе мяса.

Закончив уборку, Линь Шэнь вышел вслед за Юй Гу из кухни.

Юй Гу запер дверь на замок.

Спустившись с кухни на второй этаж, они присели на диван в гостиной отдохнуть.

— Телевизор тоже сломан? — Линь Шэнь посмотрел на экран напротив и повернулся к Юй Гу.

Лампа не работает, нож тупой — этот парень живет как какой-то отшельник, наверняка и телевизор не показывает.

— Каналов нет, но можно смотреть диски.

Как и ожидалось. Хорошо хоть диски можно посмотреть. Линь Шэнь поджал губы:

— У тебя есть какие-нибудь диски?

— Нет...

Ясно. Линь Шэнь съехал на диване, поглядывая на Юй Гу искоса, и в конце концов не выдержал:

— А чем ты обычно занимаешься дома?

Работы нет, друзей, кажется, тоже — Юй Гу целыми днями сидит в особняке один. В особняке, где даже телевизор не работает.

— Ничем.

Ответ заставил Линь Шэня нахмуриться. Он вспомнил слова водителя: «Некоторые говорят, что он тоже умер и теперь просто скитается как призрак...»

В тусклом свете воздух стал таким тихим, что было слышно дыхание. Линь Шэнь невольно напрягся, его взгляд упал на пол.

Хорошо, что у Юй Гу есть тень.

Иначе в какой-то момент ему самому показалось бы, что он попал в дом с привидениями.

— Может, я сейчас поиграю на гитаре? — спросил Линь Шэнь, доставая инструмент. В глубине души он подумал, что музыка добавит хоть немного жизни в эту атмосферу.

Иначе здесь становится слишком жутко.

— Какую песню хочешь услышать?

Юй Гу посмотрел на гитару в его руках:

— Ту, что была первой вчера вечером.

Звездочки? Линь Шэнь приподнял бровь. Хотя мелодия и красивая, но не странно ли взрослому человеку заказывать такое?

— Хорошо, — ответил Линь Шэнь и начал играть.

Пока он играл, то старался побороть страх и украдкой поглядывал на Юй Гу. В его глазах было спокойствие, даже какая-то нежность.

Такой взгляд у другого человека был бы нормальным, но на этом бледном, болезненном лице, где проступали синие вены, на этом лице, настолько исхудавшем, что кости выступали наружу — это выглядело пугающе.

Линь Шэнь занервничал, и пальцы сбились со струн.

— Ты устал? — Юй Гу смотрел на него, и в его глубоких зрачках промелькнуло недоумение.

Это не похоже на ребенка с темными помыслами, скорее на чистого человека.

Пусть он странный, но вряд ли злой.

Линь Шэнь успокоил себя и улыбнулся:

— Немного.

— Тогда не играй, отдохни, — сказал Юй Гу, достал из кармана двадцать юаней и протянул Линь Шэню. — Это твое.

Неловко-то как... Линь Шэнь покачал головой:

— Не надо, я же сказал, что денег не возьму...

Юй Гу упрямо держал руку с деньгами, его бледные губы были плотно сжаты, он молчал.

— Ну ты даешь... Послушай, двадцать юаней — это слишком много, всего одна песня, да и ту я не доиграл...

— И за вчерашний вечер, — пояснил Юй Гу.

Линь Шэнь взял деньги:

— Ладно. Спасибо...

— Не говори спасибо, — Юй Гу слегка нахмурился. — Это само собой разумеется.

Разумеется? Линь Шэнь опустил взгляд. Вспомнив сегодняшний день, он подумал: неужели платить за гитару — это тоже само собой разумеется? Ведь то, что люди не платят — вот это как раз и есть «само собой разумеется».

— Это равноправие, — добавил Юй Гу.

Он не просит милостыню. Он играет на гитаре, чтобы заработать, и те, кто хочет заплатить — платят, кто не хочет — нет... не нужно быть таким раболепным.

Неизвестно почему, но Линь Шэнь прочитал именно этот смысл в бесстрастном лице и глубоких глазах Юй Гу.

Линь Шэнь легко улыбнулся:

— Да, уличный артист и зритель равны.

Юй Гу слегка опустил голову, вернувшись к своему обычному состоянию, его взгляд устремился вниз, и было непонятно, на что именно он смотрит.

На следующий день, позавтракав, Линь Шэнь с гитарой за спиной собрался в город.

— У тебя горло болит, отдохни день.

Линь Шэнь, не раздумывая, ответил:

— Нельзя, я должен идти. Я вчера сказал одной девочке, чтобы она приходила послушать, если ей будет скучно.

Если она придет, а его не будет, значит, он обманул ее. Линь Шэню было бы неловко.

Юй Гу опустил голову, а через мгновение спросил:

— В подвале есть велосипед, хочешь поехать на нем?

В подвале? В этом особняке есть подвал? Линь Шэнь сразу спросил:

— Это удобно? Если можно, одолжи мне, пожалуйста...

От окраины до центра путь неблизкий, вчера он шел около двух часов, если сегодня придется идти туда и обратно, ноги точно отвалятся.

Юй Гу спустился в подвал, выкатил велосипед, протер его и отдал Линь Шэню:

— Езжай.

Велосипед был черным, хотя и старым, но по качеству было видно, что вещь не из дешевых.

— Этот велосипед... — Линь Шэнь хотел спросить, чей он, но, вспомнив историю семьи Юй Гу, прикусил язык.

Он сел на велосипед, попрощался с Юй Гу и в шутку добавил:

— Сегодня даже если придется воровать или грабить, я заработаю денег на мясо!

— Ты так сильно любишь мясо? — серьезно спросил Юй Гу.

— Люблю, сейчас больше всего на свете.

Линь Шэнь, не евший мяса два-три дня, прошлой ночью даже во сне видел, как его грызет — до того хотелось.

Линь Шэнь поехал на велосипеде, а Юй Гу развернулся и вошел в особняк, направляясь на запертый третий этаж.

Сегодня выступление прошло явно лучше, чем вчера. Горло болело, Линь Шэнь пел песню, потом отдыхал, но ритм жизни в маленьком городке был таким медленным, что прохожие ждали его и не расходились.

Днем пришла вчерашняя девочка, протянула ему двадцать юаней... а потом и другие люди начали доставать мелочь.

В конце дня Линь Шэнь с удовольствием пересчитал выручку: вышло восемьдесят три юаня. С гитарой и велосипедом он отправился на рынок, купил мяса, овощей и пакет фруктов.

Сегодня наконец-то будет мясо! Линь Шэнь, забыв о больном горле, всю дорогу напевал песенки и с триумфом вернулся в особняк.

— Сюрприз! Неожиданно? Захватывающе? — Линь Шэнь с пакетами в руках сиял от радости, улыбка доходила до ушей.

Юй Гу посмотрел на сияющего Линь Шэня и поджал губы:

— Очень здорово.

— Еще бы, не зря я горло драл, — Линь Шэнь вошел в дом и приобнял Юй Гу за плечи. — Иди за мной, будем есть мясо!

Юй Гу медленно моргнул, а когда опомнился, Линь Шэнь уже насвистывал, выкладывая продукты на диван.

Он поправил одежду и принялся считать деньги. Осталось тридцать два юаня, плюс двадцать, что дал Юй Гу вчера, и сто, которые он занимал вначале — итого сто пятьдесят два.

Как же это посчитать? Линь Шэнь нахмурился, бормоча под нос и вычисляя с такой серьезностью, будто учил таблицу умножения.

Он достал те сто юаней, что занимал, добавил одиннадцать и протянул Юй Гу:

— Вот сто, возвращаю. И одиннадцать — плата за первую ночь.

— За прошлую и сегодняшнюю ночь — сто. Значит, я должен тебе сто.

Юй Гу тихо отозвался, а затем добавил:

— Ты купил столько всего, давай посчитаем за шестьдесят.

— Нет, пусть будет сто. Я купил это сам, считай, что это знак благодарности за то, что два дня тебя беспокоил.

Сказав это, Линь Шэнь поднялся:

— Пойду помоюсь, а когда выйду — будем готовить.

— Угу.

Линь Шэнь вышел из душа и поднялся на второй этаж готовить вместе с Юй Гу.

Юй Гу отвечал за мытье и нарезку, а он — за жарку.

Поскольку продукты были ценными, Линь Шэнь был предельно осторожен. Соль сыпал по чуть-чуть, пробуя после каждой щепотки, боясь пересолить.

Мясо, это же мясо... Линь Шэнь сглотнул слюну, попробовал, убедился, что соли в самый раз, и поскорее выложил готовое блюдо на тарелку.

Юй Гу посмотрел на него, заглянул в рисоварку... рис все еще был в воде.

— Рис еще не готов.

— Ничего, подождем, — Линь Шэнь, даже не глядя, отнес мясо на стол.

— О... — Юй Гу закрыл рисоварку и пошел вслед за ним.

Линь Шэнь вернулся на кухню, помыл фрукты, выложил их в вазу и поставил на стол. Оглядев стол, полный мясных блюд, он с довольной улыбкой сказал:

— Рис готов? Можно есть!

Юй Гу посмотрел на него:

— Я еще не варил.

Твою ж... Линь Шэнь застыл с улыбкой на лице, услышав, как Юй Гу невозмутимо повторяет:

— Ты сказал варить рис, подождем.

Глупый ребенок, Линь Шэнь закатил глаза и с размаху ударился лбом о стол.

И тут он остолбенел...

Под этим удачным углом он увидел в щели деревянного стола засохшие темно-красные пятна крови...

Похоже, они там давно, возможно, остались еще с тех времен. Но если так давно, почему их до сих пор не отмыли?

Струна в голове Линь Шэня натянулась до предела... Неужели тот доктор расчленил мать и дочь прямо на этом столе?

Когда он поднял голову, Юй Гу уже вошел на кухню варить рис.

Линь Шэнь посмотрел на мясо в тарелке, и аппетит внезапно пропал.

Даже темно-красный цвет стола в его глазах теперь казался цветом свежей крови.

— Прости, — Юй Гу нажал кнопку на рисоварке и вышел из кухни, извиняясь перед Линь Шэнем.

— Ничего... это я был невнимателен, — Линь Шэнь, только что принявший душ, снова покрылся потом. Он попытался улыбнуться: — Можно поесть и без риса, давай пока поедим овощи.

Юй Гу кивнул и принялся молча жевать, его лицо было таким же застывшим, как обычно.

Линь Шэнь взял яблоко и вгрызся в него, пребывая в смятении. В голове крутилась мысль: завтра же пойду в полицию, разберусь с паспортом и поскорее уеду из этого места...

Этот городок пугал, особняк был зловещим. Поначалу он еще мог смириться, но спустя несколько дней хотелось сбежать.

Через несколько десятков минут рис был готов. Юй Гу наложил порцию, но Линь Шэнь сказал:

— Я не хочу, я съел яблоко, наелся.

Боясь, что тот не поверит, он добавил:

— Наверное, слишком устал, да и жарко, аппетита нет...

Юй Гу посмотрел на еду на столе, и его голова опустилась еще ниже.

Он молчал и ел, что заставило Линь Шэня немного успокоиться, но теперь ему стало неловко.

Линь Шэнь наложил себе порцию риса и смущенно произнес:

— Все-таки поем немного, иначе завтра не будет сил петь.

Хотя Юй Гу ничего не ответил, Линь Шэнь почувствовал, что тот стал чуть менее печальным.

Съев пару кусочков мяса и овощей, Линь Шэнь отложил палочки и посмотрел на Юй Гу:

— Ешь побольше, ты выглядишь истощенным.

Юй Гу пошевелил губами:

— Спасибо.

Линь Шэнь кашлянул:

— Ты никогда не думал об отъезде?

Юй Гу здесь не может найти работу, целыми днями охраняет особняк, как же это одиноко... Выходит, прогуляться, завести друзей, начать новую жизнь.

— Уехать? Куда? — Юй Гу поднял на него глаза.

— Куда угодно. Мир такой большой, всей жизни не хватит, чтобы обойти его.

— А ты? Куда ты хочешь?

— Я уличный певец, бродяжничаю повсюду, весь мир — мой дом.

Юй Гу снова опустил взгляд:

— Как хорошо.

Но в тот миг Линь Шэнь успел заметить в его глазах тоску и скрытую зависть.

Линь Шэнь поджал губы:

— Что тут хорошего? Ты тоже так можешь...

— Жить жизнью, какой хочешь, делать что хочешь. У тебя... твоих близких больше нет, если нет обязательств и привязанностей, то мир открыт перед тобой.

Юй Гу внезапно замер, его взгляд резко метнулся к нему:

— Ты знаешь?

— З-знаю. По дороге сюда спросил водителя.

Помолчав, Юй Гу спросил:

— И ты все равно пришел?

— Прошное уже позади, к тому же я не суеверен, — Линь Шэнь притворно улыбнулся. — А главное, ты же знаешь, я беден.

— Та гостиница снаружи — сто двадцать за ночь, грабеж. К тому же там грязно до ужаса, я в прошлый раз...

Линь Шэнь принялся без умолку рассказывать ту историю, словно хотел скрыть свое напряжение за потоком слов.

Юй Гу молча слушал, а когда он закончил, лишь легко посмотрел на него и поднялся со стула, чтобы убрать со стола.

<http://bllate.org/book/21630/2231722>